

А. ТАРКОВСКИЙ

ПЕРЕД

СТИХИ

СНЕГОМ

А.ТАРКОВСКИЙ
ПЕРЕД
СНЕГОМ
С Т И Х И

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1962

Арсений Тарковский, широко известный переводчик, предстает в книге «Перед снегом» как оригинальный поэт.

В книге собраны стихи за несколько десятилетий, она является итогом большой и серьезной работы, за которой открывается сложный мир своеобразного поэта, мир мыслей, чувств и воспоминаний современника.

І. ЗЕМЛЕ — ЗЕМНОЕ

* * *

Чем больше лет ложится мне на плечи,
Тем очевидней светлый мой удел:
Я — гражданин державы русской речи,
И русской музе я в глаза глядел.

Такая сила есть в моем народе,
Что я устами новой жизни стал,
И счастлив тем, что я не в переводе,
А в подлиннике Ленина читал.

1940

СУББОТА, 21 ИЮНЯ

Пусть роют щели хоть под воскресенье.
В моих руках надежда на спасенье.

Как я хотел вернуться в до войны,
Предупредить, кого убить должны.

Мне вон тому сказать необходимо:
— Иди сюда, и смерть промчится мимо.

Я знаю час, когда начнут войну,
Кто выживет и кто умрет в плену,

И кто из нас окажется героем,
И кто расстрелян будет перед строем.

И сам я видел вражеских солдат,
Уже заполонивших Сталинград.

И видел я, как русская пехота
Штурмует Бранденбургские ворота.

Что до врага, то все известно мне,
Как ни одной разведке на войне.

Я говорю — не слушают, не слышат,
Несут цветы, субботним ветром дышат,

Уходят, пропусков не выдают,
В домашний возвращаются уют.

И я уже не помню сам, откуда
Пришел сюда и что случилось чудо.

Я все забыл. В окне еще светло,
И накрест не заклеено стекло.

1945

* * *

Кони ржут за Сулою.

(«Слово о полку Игореве»)

Русь моя, Россия, дом, земля и мать!
Ты для новобрачного — свадебная скатерть,

Для младенца — колыбель, для юного — хмель,
Для скитальца — посох, пристань и постель,

Для пахаря — поле, для рыбака — море,
Для друга — надежда, для недруга — горе,

Для кормщика — парус, для воина — меч,
Для книжника — книга, для пророка — речь,

Для молотобойца — молот и сила,
Для живых — отцовский дом, для мертвых —
могила,

Для сердца сыновнего — негасимый свет.
Нет тебя прекрасней и желанней нет.

Разве даром уголь твоего глагола
Рдяным жаром вспыхнул под пятой монгола?

Разве горький Игорь, пленом смерть поправ,
Твой не красил кровью бебряный рукав?

Разве киноварный плащ с плеча Рублева
На ветру широком не полощет снова?

Как душе — дыханье, руке — рукоять.
Хоть бы в пропасть кинуться — тебя отстоять!

1941

* * *

I

На черной трубе погорелого дома
Орел отдыхает в безлюдной степи.
Так вот что мне с детства так горько знакомо:
Видение цезарианского Рима —
Горбатый орел, и ни дома, ни дыма...
А ты, мое сердце, и это стерпи.

II

Вы нашей земли не считаете раем,
А краем пшеничным, чужим караваем.
Штыком вы отрезали лучшую треть.
Мы намертво знаем, за что умираем —
Мы землю родную у вас отбираем,
А вам — за ворованный хлеб умереть!

III

Не пожалела на дорогу соли,
Так насолила, что свела с ума.
Горишь, святая камская зима,
А я живу один, как ветер в поле.

Скупишься, мать! Дала бы хлеба, что ли.
Полны ядреным снегом закрома,
Бери да ешь. Тяжка моя сума:
Полпуда горя и ломоть недоли.

Я ноги обморожу на ветру,
Я беженец, я никому не нужен.
Тебе-то все равно, а я умру.

Что делать мне среди твоих жемчужин
И кованного стужей серебра
На черной Каме, ночью, без костра?

IV

Вытрет губы, наденет шинель
И не глядя жену поцелует.
А на улице ветер лютует,
Он из сердца повывудет хмель.

И потянется в город обоз.
Не добудешь ста грамм по дороге,
Только ветер бросается в ноги
И глаза обжигает до слез.

Был колхозником, станешь бойцом.
Пусть о родине, вольной и древней,
Мало песен сложили в деревне,
Выйдешь в поле — и дело с концом.

А на выезде плачет жена,
Причитая и руки ломая,
Словно черные кони Мамаю
Где-то близко, как в те времена,
Мчатся, снежную пыль подымая,
Ветер бьет, и звенят стремяна.

1941—1942

* * *

Стояла батарея за этим вот холмом.
Нам ничего не слышно, а здесь остался гром.
Под этим снегом трупы еще лежат вокруг,
И в воздухе морозном остались взмахи рук.
Ни шагу знаки смерти ступить нам не дают.
Сегодня снова, снова убитые встают.
Сейчас они услышат, как снегири поют.

1942

* * *

Хорошо мне в теплушке,
Тут бы век вековать.
Сумка вместо подушки,
И на дождь наплевать.

Мне бы ехать с бойцами,
Грызть бы мне сухари,
Петь да спать бы ночами
От зари до зари,

У вокзалов разбитых
Брать крутой кипяток —
Бездомовный напиток —
В жестяной котелок.

Мне б из этого рая
Никуда не глядеть,
С темнотой засыпая,
Ничего не хотеть —

Ни дороги попятной,
Разоренной войной,
Ни туда, ни обратно,
Ни на фронт, ни домой, —

Но торопит, рыдая,
Песня стольких разлук —
Жизнь моя кочевая,
Твой скрежещущий стук.

1943

* * *

Чего ты не делала только,
чтоб видеться тайно со мною.
Тебе не сиделось, должно быть,
за Камой в доме невысоком,
Ты под ноги стлалась травой,
уж так шелестела весною,
Что боязно было: шагнешь —
и заденешь тебя ненароком.

Кукушкой в лесу притаилась
и так куковала, что люди
Завидовать стали: ну вот,
Ярославна твоя прилетела!
И если я бабочку видел,
когда и подумать о чуде
Безумием было, я знал:
ты взглянуть на меня захотела.

А эти павлиньи глазки —
там лазори по капельке было

На каждом крыле, и светились...
Я, может быть, со свету сгину,
А ты не покинешь меня,
и твоя чудотворная сила
Травую оденет, цветами подарит
и камень и глину.

И если к земле присмотреться,
чешуйки все в радугах. Надо
Ослепнуть, чтоб имя твое
не прочесть на ступеньках и сводах
Хором этих нежно-зеленых.
Вот верности женской засада:
Ты за ночь построила город
и мне приготовила отдых.

А ива, что ты посадила
в краю, где вовек не бывала?
Тебе до рожденья могли
терпеливые ветви присниться;
Качалась она, подрастая,
и соки земли принимала.
За ивой твоей довелось мне,
за ивой от смерти укрыться.

С тех пор не дивлюсь я, что смерть
обходит меня стороною:
Я должен ладью отыскать,
плыть и плыть, и, замучась, причалить,
Увидеть такую тебя,
чтобы вечно была ты со мною

И крыл твоих, глаз твоих,
губ твоих, рук никогда не печалить.

Приснись мне, приснись мне, приснись,
приснись мне еще хоть однажды.
Война меня потчует солью,
а ты этой соли не трогай.
Нет горечи горше, и горло мое
пересохло от жажды.
Дай пить. Напой меня. Дай мне воды
хоть глоток, хоть немного.

1942

* * *

Тебе не наскучило каждому сниться,
Кто с князем твоим горевал на войне.
О чем же ты плачешь, княгиня-зегзица,
О чем ты поешь на кремлевской стене?

Твой Игорь не умер в плену от печали,
Погоне назло доконал он коня.
А как мы рубились на темной Каяле,
Твой князь на Каяле оставил меня.

И впору бы мне тетивой удавиться,
У каменной бабы воды попросить.
О том ли в Путивле кукуешь, зегзица,
Что некому раны мои остудить?

Так долго я спал, что по русские очи
С каленым железом пришла татарва.
А смерть твоего кукованья короче,
От крови моей почернела трава.

Спасибо тебе, что стонала и пела.
Я ветром иду по горячей золе.
А ты разнеси мое смертное тело
На сизом крыле по родимой земле.

1945

ИВАНОВА ИВА

Иван до войны проходил у ручья,
Где выросла ива, неведомо чья.

Не знали, зачем на ручей налегла,
А это Иванова ива была.

В своей плащ-палатке, убитый в бою,
Иван возвратился под иву свою.

Иванова ива,
Иванова ива,
Как белая лодка, плывет по ручью.

1958

ЗЕМЛЯ

За то, что на свете я жил неумело,
За то, что не кривдой служил я тебе,
За то, что имел не бессмертное тело,
Я дивной твоей сопричастен судьбе.

К тебе, истомившись, потянутся руки —
С такой наболевшей любовью обнять.
Я снова пойду за Великие Луки,
Чтоб снова мне крестные муки принять.

И грязь на дорогах твоих не сладима,
И тощая глина твоя солона.
Слезами солдатскими будешь хранима
И вдвойней смертельною скорбью сильна.

1944

* * *

Вечерний, сизокрылый
Благословенный свет!
Я словно из могилы
Смотрю тебе вослед.

Благодарю за каждый
Глоток воды живой,
В часы последней жажды
Подаренный тобой,

За каждое движенье
Твоих прохладных рук,
За то, что утешенья
Не нахожу вокруг,

За то, что ты надежды
Уводишь, уходя,
И ткань твоей одежды
Из ветра и дождя.

1944

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

1

Как дерево поверх лесной травы
Распластывает листьев пятерню
И, опираясь о кустарник, вкось,
И вширь, и вверх распространяет ветви,
Я вытянулся понемногу. Мышцы
Набухли у меня, и раздалась
Грудная клетка. Легкие мои
Наполнил до мельчайших разветвлений
Колючий спирт из голубого кубка,
И сердце взяло кровь из жил, и жилам
Вернуло кровь, и снова взяло кровь,
И было это как преображенье
Простого счастья и простого горя
В прелюдию и фугу для органа.

2

Меня хватило бы на все живое —
И на растения, и на людей,

В то время умиравших где-то рядом
И где-то на другом краю земли
В страданиях немислимых, как Марсий,
С которого содрали кожу. Я бы
Ничуть не стал, отдав им жизнь, бедней
Ни жизнью, ни самим собой, ни кровью.
Но сам я стал как Марсий. Долго жил
Среди живых, и сам я стал как Марсий.

3

Бывает, в летнюю жару лежишь
И смотришь в небо, и горячий воздух
Качается, как люлька, над тобой,
И вдруг находишь странный угол чувств:
Есть в этой люльке щель, и сквозь нее
Проходит холод запредельный, будто
Какая-то иголка ледяная...

4

Приди, возьми, мне ничего не надо,
Люблю — отдам, и не люблю — отдам.
Я заменить хочу тебя. Но если
Я говорю, что перейду в тебя,
Не верь мне, бедное дитя, я лгу.
 О, эти руки с пальцами как лозы,
 Открытые и влажные глаза,
 И раковины маленьких ушей

Как блюда, полные любовной песни,
И крылья, ветром выгнутые круто.
Не верь мне, бедное дитя, я лгу;
Я буду порываться, как казнимый,
Но не могу я через отчужденье
Переступить, и не могу твоим
Крылом плеснуть, и не могу мизинцем
Твоим коснуться глаз твоих, глазами
Твоими посмотреть. Ты во сто крат
Сильней меня, ты — песня о себе,
А я — наместник дерева и неба
И осужден твоим судом за песню.

1945

ЧЕМ ПАХНЕТ СНЕГ

Был первый снег как первый смех
И первые шаги ребенка.
Глядишь — он выровнен, как мех.
На елках, на березах снег —
Чем не снегуркина шубенка?
И лунки — по одной на всех:
Солонка или не солонка,
Но только завтра, как на грех,
Во всем преобразится снег.
Зима висит на хвойных лапах
По-праздничному хороша,
Арбузный гоголевский запах —
Ее декабрьская душа.
В бумажных колпаках и шляпах,
Тряпье в чулане вороша,
Усы наводят жженой пробкой,
Румянец — свеклой, кто в очках,
Кто скалку схватит впопыхах
И — в двери, с полной коробкой
Огня бенгальского в руках.
Факир, вампир, гусар с цыганкой,
Коза в тулупе вверх изнанкой,
С пеньковой бородой монах —

Гурьбой закладывают сани,
Под хохот бьется бубенец...
От ряженных воспоминаний
Зима устанет наконец.
И — никого, и столбик ртути
На милость стужи сдастся днем.
В малиновой и дымной смуте
И мы пойдем своим путем,
Почуем запах госпитальный
Сплошного снежного пласта,
Дыханье ступит, как хрустальный
• Морозный ангел, на уста.
И только в марте потеплеет,
И, как на карте, запестреет
Там косогор, там буерак,
А там лозняк, а там овраг.
Сойдешь с дороги — вязнут ноги,
Передохни, когда не в спех,
Постой немного при дороге:
Весной бензином пахнет снег,
Бензином пахнет снег у всех,
В любом краю, но в Подмоскovie
Особенно, и пахнет кровью.
Остался этот запах с тех
Времен, когда сороковые —
По снегу, в гору — свой доспех
Ташили годы чуть живые...
Уходят души снеговые,
И остается вместо вех
Бензин, которым пахнет снег.

* * *

Я бессмертен, пока я не умер,
И для тех, кто еще не рожден,
Разрываю пространство, как зуммер
Телефона грядущих времен.

Так последний связист под обстрелом,
От большого пути в стороне,
Прикрывает расстрелянным телом
Ящик свой на солдатском ремне.

На снегу в затвердевшей шинели,
Кулаки к подбородку прижав,
Он лежит, как дитя в колыбели,
Правотой несравненную прав.

Где когда-то с боями прошли мы
От большого пути в стороне,
Разбегается неповторимый
Терпкий звук на широкой волне.

Это старая честь боевая
Говорит: «Я земля! Я земля!» —
Под землей провода расправляя
И корнями овсов шевеля.

1961

II. ИЗ КЛЮВОВ ПТИЦ

К СТИХАМ

Стихи мои, птенцы, наследники,
Душеприказчики, истцы,
Молчальники и собеседники,
Смиренники и гордецы!

Я сам без роду и без племени
И чудом вырос из-под рук,
Едва меня лопата времени
Швырнула на гончарный круг.

Мне вытянули горло длинное,
И выкруглили душу мне,
И обозначили былинные
Цветы и листья на спине.

И я раздвинул жар березовый,
И в печь вошел, как Даниил,
И принял в ней закал свой розовый,
И как пророк заговорил.

Скупой, охряной, неприкаянной
Я долго был землей, а вы
Упали мне на грудь нечаянно
Из клювов птиц, из глаз травы.

1960

РУКИ

Взглянул я на руки свои
Внимательно, как на чужие:
Какие они корневые —
Из крепкой рабочей семьи.

Надежная старая статья
Для дружеских твердых пожатий.
Им плуга бы две рукоятки,
Буханку бы хлебную дать,

Держать бы им сердце земли,
Да все мы, видать, звездолюбцы,
И в небо мои пятизубцы
Двумя якорями вросли.

Так вот чем наш подвиг велик:
Один и другой пятерик
Свой труд принимают как благо,
И древней атлантовой тягой
К ступням прикипел материк.

1960

* * *

Земля сама себя глотает
И, тычась в небо головой,
Провалы памяти латает
То человеком, то травой.

Трава — под конскою подковой,
Душа — в коробке костяной,
И только слово, только слово
В степи маячит под луной.

А степь лежит, как Ниневия,
И на курганах валуны
Спят, как цари сторожевые,
Опившись оловом луны.

Последним умирает слово.
Но небо движется, пока
Сверло воды проходит снова
Сквозь жесткий щит материка.

Дохнет репейника ресница,
Сверкнет кузнечика седло,
Как радугу, степная птица
Расчешет сонное крыло,

И в сизом молоке по плечи
Из рая выйдет в степь Адам
И дар прямой разумной речи
Вернет и птицам и камням,

Любовный бред самосознания
Вдохнет, как душу, в корни трав,
Трепещущие их названья
Еще во сне пересоздав.

1961

* * *

Как я хочу вдохнуть в стихотворенье
Весь этот мир, меняющий обличье:
Травы неуловимое движенье,
Мгновенное и смутное величие
Деревьев, раздраженный и крылатый
Сухой песок, щебечущий по-птичьи,
Весь этот мир, прекрасный и горбатый,
Как дерево на берегу Ингула.
Там я услышал первые раскаты
Грозы. Она в бараний рог согнула
Упрямый ствол, и я увидел крону —
Зеленый слепок грозового гула.
А дождь бежал по глиняному склону,
Гонимый стрелами, ветвисторогий,
Уже во всем подобный Актеону.
У ног моих он пал на полдороге.

1938

* * *

Я учился траве, раскрывая тетрадь,
И трава начинала, как флейта, звучать.
Я ловил сочетания звука и цвета,
И когда запевала свой гимн стрекоза,
Меж зеленых ладов проходя, как комета,
Я-то знал, что любая росинка — слеза,
Знал, что в каждой фасетке огромного ока,
В каждой радуге ярко стрекочущих крыл
Обитает горящее слово пророка,
Что адамову тайну я чудом открыл.

Я любил свой мучительный труд, эту кладку
Слов, скрепленных их собственным светом,
загадку
Смутных чувств и простую разгадку ума.
В слове правда мне виделась правда сама,
Был язык мой правдив, как спектральный анализ,
А слова у меня под ногами валялись.

И еще я скажу: собеседник мой прав,
В четверть шума я слышал, в полсвета я видел,
Но зато не унизил ни близких, ни трав,

Равнодушием отчей земли не обидел.
И пока на земле я работал, приняв
Дар студеной воды и пахучего хлеба,
Надо мною стояло бездомное небо,
Звезды падали мне на рукав.

1954

WERDE DER DU BIST

Будь таким, каков ты есть.

Гёте

Когда тебе придется туго,
Найдешь и сто рублей и друга.
Себя найти куда трудней,
Чем друга или сто рублей.

Ты вывернешься наизнанку,
Себя обшаришь спозаранку,
В одно смешаешь явь и сны,
Увидишь мир со стороны,

И все и всех найдешь в порядке.
А ты — как ряженный на святки —
Играешь в прятки сам с собой,
С твоим искусством и судьбой.

В чужом костюме ходит Гамлет
И кое-что про что-то мямлит, —

Он хочет Мóиси играть,
А не врагов отца карать.

Из миллиона вероятий
Тебе одно придется к стати,
Но не дается, как назло,
Твое заветное число.

Загородил полнеба гений.
Не по тебе его ступени,
Но даже под его стопой
Ты должен стать самим собой

Найдешь и у пророка слово,
Но слово лучше у немого
И ярче краска у слепца,
Когда отыскан угол зренья
И ты при вспышке озаренья
Собой угадан до конца.

1957

* * *

Я прощаюсь со всем, чем когда-то я был
И что я презирал, ненавидел, любил.

Начинается новая жизнь для меня,
И прощаюсь я с кожей вчерашнего дня.

Больше я от себя не желаю вестей,
И прощаюсь с собою до мозга костей,

И уже, наконец, над собою стою,
Отделяю постылую душу свою,

В пустоте оставляю себя самого,
Равнодушно смотрю на себя — на него.

Здравствуй, здравствуй, моя ледяная броня,
Здравствуй, хлеб без меня и вино без меня,

Сновидения ночи и бабочки дня,
Здравствуй, всё без меня и вы все без меня!

Я читаю страницы неписанных книг,
Слышу круглого яблока круглый язык,

Слышу белого облака белую речь,
Но ни слова для вас не умею сберечь,

Потому что сосудом скудельным я был
И не знаю, зачем сам себя я разбил.

Больше сферы подвижной в руке не держу
И ни слова без слова я вам не скажу.

А когда-то во мне находили слова
Люди, рыбы и камни, листва и трава.

1955

* * *

Порой по улице бредешь —
Нахлынет вдруг невесть откуда
И по спине пройдет, как дрожь,
Бессмысленная жажда чуда.

Не то чтоб встав кентавр какой
У магазина под часами,
Не то чтоб на Серпуховской
Открылось море с парусами,

Не то чтоб захотеть — и ввысь
Кометой взвиться над Москвою
И хоть по улице пройтись
На полвершка над мостовую.

Когда комета не взвилась,
И это назовешь удачей.
Жаль: у пространств иная связь
И времена живут иначе.

На белом свете чуда нет,
Есть только ожиданье чуда.
На том и держится поэт,
Что эта жажда ниоткуда.

Она ждала тебя сто лет,
Под фонарем изнемогая,
Ты ею дорожи, поэт,
Она — твоя Серпуховская,

Твой город и твоя земля,
И невзлетевшая комета,
И даже парус корабля,
Сто лет как сгинувший со света

Затем и на земле живем,
Работаем и узнаем
Друг друга по ее приметам,
Что ей придется стать стихом,
Когда и ты рожден поэтом.

1940

* * *

Рассчитанный на одного, как номер
Гостиницы, — с одним окном, с одной
Кроватью и одним столом, я жил
На белом свете, и моя душа
Привыкла к телу моему. Бывало —
В окно посмотрит, полежит в постели,
К столу присядет — и скрипит пером,
Творя свою нехитрую работу.

А за окном ходили горожане,
Грузовики трубили, дождь шумел,
Посвистывали милиционеры,
Всходило солнце — наступало утро,
Всходили звезды — наступала ночь,
И небо то светлело, то темнело.

И город полюбил я, как приезжий,
И полон был счастливых впечатлений.
Я новое любил за новизну,
А повседневное — за повседневность,

И, так как этот мир четырехмерен,
Мне будущее приходилось впору.

Но кончилось мое уединенье.
В пятнадцатирублевый номер мой
Еще один вселился постоялец,
И новая душа плодиться стала,
Как хромосома на стекле предметном.
Я собственной томился теснотой,
Хотя и раздвигался, будто город,
И слободами громоздился. Я
Мост перекинул через речку. Мне
Рабочих не хватало. Мы пылили
Цементом, грохотали кирпичом
И кожу бугорчатую земли
Бульдозерами до костей сдирали.

Хвала тебе, мой потрясенный быт,
Хвала тебе, благословенный тензор,
Хвала тебе, язык иных времен!
Сто лет пройдет — нам не понять его,
Я перед ним — из «Слова о полку»;
Лежу себе, побитый татарвой,
Нас тысяча на берегу Каялы;
Копье торчит в траве, а на копье
Степной орел седые перья чистит.

* * *

Я долго добивался,
Чтоб из стихов своих
Я сам не порывался
Уйти, как лишний стих.

Где свистуны свистели
И щелкал шелкопер,
Я сам свое веселье
Отправил под топор.

Быть может, идиотство
Сполна платить судьбой
За паспортное сходство
Строки с самим собой.

•

А все-таки уставлю
Свои глаза на вас,
Себя в живых оставлю
На век или на час,

Оставляю в каждом звуке
И в каждой запятой
Натруженные руки
И трезвый опыт свой.

Вот почему без страха
Смотрю себе вперед,
Хоть рифма, точно плаха,
Меня сама берет.

1947

КАКТУС

Далеко, далеко, за полсвета
От родимых долгот и широт,
Допотопное чудище это
У меня на окошке живет.

Что ему до воключского лавра
И персидских мучительниц-роз,
Если он под пятой бронтозавра
Ластовидной листвою оброс?

Терпеливый приемыш чужбины,
Доживая стотысячный век,
Гонит он из тугой сердцевины
Восковой криворукий побег.

Жажда жизни кору пробивала.
Он живет во всю ширь своих плеч
Той же силой, что нам даровала
И в могилах звучащую речь.

1948

* * *

Мне говорят, а я уже не слышу,
Что говорят. Моя душа к себе
Прислушивается, как Жанна д'Арк.
Какие голоса тогда поют!

И управлять я научился ими:
То флейты вызываю, то фаготы,
То арфы. Иногда я просыпаюсь,
А все уже давным-давно звучит.
И кажется, финал не за горами.

Привет тебе, высокий ствол, и ветви
Упругие — с листвою как застреха,
Таинственное дерево, откуда
Ко мне слетает птица первой ноты!

Но стоит взяться мне за карандаш,
Чтоб записать словами гул литавров.
Охотничьи сигналы духовых,
Весенние размытые порывы
Смычков, — я понимаю, что со мной:

Душа к губам прикладывает палец —
Молчи! молчи!

И все, чем смерть жива
И жизнь сложна, приобретает новый,
Прозрачный, очевидный, как стекло,
Внезапный смысл. И я молчу, но я
Весь без остатка, весь как есть — в раструбе
Воронки, полной утреннего шума.

Вот почему, когда мы умираем,
Оказывается, что ни полслова
Не написали о себе самих,
И то, что прежде нам казалось нами,
Идет по кругу
Спокойно, отчужденно, вне сравнений
И нас уже в себе не заключает.

Ах, Жанна, Жанна, маленькая Жанна!
Пусть коронован твой король, — какая
Заслуга в том? Шумит волшебный дуб,
И что-то голос говорит, а ты
Огнем горишь в рубахе не по росту.

* * *

Вы, жившие на свете для меня,
Моя броня и кровная родня
От Алигьери до Скиапарелли,
Спасибо вам, вы хорошо горели.

А разве я не хорошо горю
И разве равнодушием корю
Вас, для кого я столько жил на свете,
Трава и звезды, бабочки и дети?

Мне шапку бы и пред тобою снять,
Мой город, весь как нотная тетрадь,
Еще не тронутая вдохновеньем,
Пока июль по каменным ступеням
Литаврами не катится к реке,
Пока перо не прикипит к руке...

1959

АКРОПОЛЬ. КОРА

Когда я вечную разлуку
Хлебну, как ледяную ртуть,
Не уходи, но дай мне руку
И проводи в последний путь.

Постой у смертного порога
До темноты, как луч дневной,
Побудь со мной еще немного
Хоть в трех аршинах надо мной.

Ужасный рот царицы Кору
Улыбкой привечает нас,
И душу обнажают взоры
Ее слепых загробных глаз.

СОКРАТ

Я не хочу ни власти над людьми,
Ни почестей, ни войн победоносных.
Пусть я застыну, как смола на соснах
Но я не царь, я из другой семьи.

Дано и вам, мою цикуту пьющим,
Пригубить немоту и глухоту.
Мне рубище раба не по хребту.
Я не один, но мы еще в грядущем.

Я плоть от вашей плоти, высота
Всех гор земных и глубина морская.
Как раковину, мир переполняя,
Шумит по-олимпийски пустота.

1958

КАРЛОВЫ ВАРЫ

Даже песня дается не даром,
И уж если намучились мы,
То какими дрожжами и жаром
Здесь когда-то вздымало холмы.

А холмам на широкую спину,
Как в седло, посадили кремли
И с ячменных полей десятину
В добрый Пильзен варить повезли.

Расцветай же, как лучшая роза
В наилучшем трехмерном плену,
Дорогая житейская проза,
Воспитавшая эту страну.

Пойте, честные чешские птицы,
Пойте, птицы, пока по холмам
Бродит грузный и розоволицый
Старый Гёте, столь преданный вам.

1959

УТРО В ВЕНЕ

Где ветер бросает ножи
В стекло министерств и музеев,
С насмешливым свистом стрижи
Стригут комаров-ротозеев.

Оттуда на город забот,
Работ и вечерней зевоты,
На роботов Моцарт ведет
Свои насекомые ноты.

Живи, дорогая свирель!
Под праздник мы пол натирали,
И в окна посыпался хмель —
На каждого по сто спиралей.

И если уж смысла искать
В таком суматошном концерте,
То молодость, правду сказать,
Под старость опаснее смерти.

1958

АНДЖЕЛО СЕККИ, АСТРОНОМ

Прощай, мой дорогой мерцовский экваториал!

Слова Секки

Здесь, в Риме, после долгого изгнания,
Седой, полуслепой, полуживой,
Один среди небесного сиянья
Стоит он с непокрытой головой.

Дыханье Рима как сухие травы.
Привет тебе, последняя ступень!
Судьба лукава, и цари неправы.
А все-таки настал и этот день.

От мерцовского экваториала
Он старых рук не властен оторвать.
Урания не станет, как бывало,
В пустынной этой башне пировать.

Глотая горький воздух, гладит Секки
Давным-давно не чищенную медь.

— Прекрасный друг, расстанемся навеки.
Дай мне теперь спокойно умереть.

Он сходит по ступеням обветшалым
К небытию, во прах, на страшный суд,
И ласточки над экваториалом,
Как вестницы забвения, снуют.

Еще ребенком я оплакал эту
Высокую, мне родственную тень,
Чтоб, вслед за ней пройдя по белу свегу,
Благословить последнюю ступень.

1957

* * *

Пускай меня простит Винцент Ван-Гог
За то, что я помочь ему не мог,

За то, что я травы ему под ноги
Не постелил на выжженной дороге,

За то, что я не развязал шнурков
Его крестьянских пыльных башмаков,

За то, что в зной не дал ему напиться,
Не помешал в больнице застрелиться.

Стою себе, а надо мной навис
Закрученный, как пламя, кипарис.

Лимонный хром и темно-голубое, —
Без них не стал бы я самим собою:

Унизил бы я собственную речь,
Когда б чужую ношу сбросил с плеч.

А эта грубость ангела, с какою
Он свой мазок роднит с моей строкою,

Ведет и вас через его зрачок
Туда, где дышит звездами Ван-Гог,

1958

БАЛЕТ

Пиликает скрипка, гудит барабан,
И флейта свистит по-эльзасски.
На сцену въезжает картонный рыдван
С раскрашенной куклой из сказки.

Оттуда ее вынимает партнер,
Под ляжку подставив ей руку,
И тащит силком на гостиничный двор
К пиратам на верную муку.

Те точат кинжалы, и крутят усы,
И топают в такт каблуками,
Карманные враз вынимают часы
И дико сверкают белками, —

Мол, резать пора! Но в клубничном трико,
В своем лебедином крахмале,
Над рампою прима взлетает легко,
И что-то вибрирует в зале.

Сценической чуши магический ток
Находит, как свист соловьиный,
И пробует волю твою на зубок
Холодный расчет балерины.

И весь этот пот, этот грим, этот клей
Смущавшие вкус твой и чувства,
Уже завладели душою твоей.
Так что же такое искусство?

Наверное, будет угадана связь
Меж сценой и Дантовым адом,
Иначе откуда бы площадь взялась
Со всей этой шушерой рядом?

1957

В МУЗЕЕ

Это не мы, это они, ассирийцы.
Жезл государственный бравшие крепко в клешни,
Глинобородые боги-народоубийцы,
В твердых одеждах цари, это они.

Кровь, как булыжник, торчит из щербатого горла,
И невозможно пресытиться жизнью, когда
В дыхало льву пернатые вогнаны сверла,
В рабьих ноздрах — жесткий укус царева суда.

Я проклиная тиару Шамшиадада,
Я клинописной хвалы не пишу все равно,
Мне на земле ни почета, ни хлеба не надо,
Если мне царские крылья разбить не дано.

Жизнь коротка, но довольно и ста моих жизней,
Чтобы заполнить глотающий кости провал.
В башенном городе у ассирийцев на тризне
Я хорошо бы с казненными попиrowал.

Я проклиная подошвы царских сандалий.
Кто я — лев или раб, чтобы мышцы мои
Без воздаянья в соленую землю втоптали
Прямоугольные каменные муравьи?

1960

ПЕРЕВОДЧИК

Шах с бараньей мордой — на троне.
Самарканд на шахской ладони.
У подножья — лиса в чалме
С тысячью двестишый в уме.
Розы сахаринной породы,
Соловьиная пахлава.
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова.

Полуголый палач в застенке
Воду пьет и тарашит zenки.
Все равно. Мертвеца в рядно
Зашивают, пока темно.
Спи без просыпу, царь природы.
Где твой меч и твои права?
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова.

Да пребудет роза редифом.
Да царит над голодным тифом
И соленой паршой степей

Лунный выкормыш — соловей
Для чего я лучшие годы
Продал за чужие слова?
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова.

Зазубрил ли ты, переводчик,
Арифметику парных строчек?
Каково тебе по песку
Волочить старуху-тоску?
Ржа пустыни щепотью соды
Ни жива шипит, ни мертва.
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова.

1960

МОГИЛА ПОЭТА

Н. З.

Венков еловых птичьих лапки
В снегу остались от живых.
Твоя могила в белой шапке,
Как царь, проходит мимо них,
Туда, к распахнутым воротам,
Где ты не прах, не человек,
И в облаках за поворотом
Восходит снежный твой ковчег.
Не человек, а череп века,
Его чело, язык и медь.
Заката огненное веко
Не может в небе догореть.

1959

* * *

Где черный ветер, как налетчик,
Поет на языке блатном,
Проходит путевой обходчик
Во всей степи один с огнем.

Над полосую отчужденья
Фонарь качается в руке,
Как два крыла из сновиденья
В середине ночи на реке.

И в желтом колыбельном свете
У мирозданья на краю
Я по единственной примете
Родную землю узнаю.

Есть в рельсах железнодорожных
Пророческий и смутный зов
Благословенных, невозможных,
Не спящих ночью городов.

И осторожно, как художник,
Следит проезжий за огнем,
Покуда железнодорожник
Не пропадет в краю степном.

1958

* * *

Когда б на роду мне написано было
Лежать в колыбели богов,
Меня бы небесная мамка вспоила
Святым молоком облаков,

И стал бы я богом ручья или сада,
Стерег бы хлеба и гроба.
Но я человек, мне бессмертья не надо,
Страшна неземная судьба.

Спасибо, что губ не свела мне улыбка
Над солью и желчью земной.
Ну что же, прощай, олимпийская скрипка,
Не смейся, не пой надо мной.

1960

III. СИРЕНЬ

* * *

Снова я на чужом языке
Пересуды какие-то слышу —
То ли это плоты на реке,
То ли падают листья на крышу.

Осень, видно, и впрямь хороша.
То ли это она колобродит,
То ли злая живая душа
Разговоры с собою заводит,

То ли сам я к себе не привык.
Плыть бы мне до чужих понизовий,
Петь бы мне, как поет плотовщик,
Побольней, потемней, победовей,
На плоту натянуть дождевик,
Петь бы, шапку надвинув на брови,
Как поет на реке плотовщик
О своей невозвратной любви.

1946

* * *

Записал я длинный адрес на бумажном лоскутке,
Все никак не мог проститься и листок держал
в руке.

Свет растекся по брусчатке. На ресницы, и на мех,
И на серые перчатки начал падать мокрый снег.

Шел фонарщик, обернулся, возле нас фонарь зажег.
Засвистел фонарь, запнулся, как пастушеский
рожок.

И рассыпался неловкий, бестолковый разговор
Легче пуха, мельче дроби... Десять лет прошло
с тех пор.

Даже адрес потерял я, даже имя позабыл
И потом любил другую, ту, что горше всех любил.

А идешь — и капнет с крыши: дом и ниша у ворот,
Белый шар над круглой нишей, и читаешь:
кто живет?

Есть особые ворота и особые дома,
Есть особая примета, точно молодость сама.

1935

* * *

Прямых стволов благословение
И млечный пар над головой,
И я ложусь в листву осеннюю,
Дышу подспудицей грибной.

Мне грешная моя, невинная
Земля моя передает
Свое терпенье муравьиное
И душу крепкую, как йод.

Кончаются мои скитания.
Я в лабиринт корней войду
И твой престол найду, Титания,
В твоей державе пропаду.

Что мне в моем погибшем имени?
Твой ржавый лист — моя броня.
Кляни меня, но не гони меня,
Убей, но не гони меня!

1958

ДОЖДЬ В ТБИЛИСИ

Мне твой город нерусский
Все еще незнаком, —
Клен под мелким дождем,
Переулок твой узкий,

Под холодным дождем
Слишком яркие фары,
Бесприютные пары
В переулке твоём,

По крутым тротуарам
Бесконечный подъем.
Затерялся твой дом
В этом городе старом.

Бесконечный подъем,
Бесконечные спуски,
Разговор не по-русски
У меня за плечом.

Сеет дождь из тумана,
Капли падают с крыш.
Ты, наверное, спишь,
В белом спишь, Кетевана?

В переулке твоём
В этот час непогожий
Я — случайный прохожий
Под холодным дождем,

В этот час непогожий,
В час, покорный судьбе,
На тоску по тебе
Чем-то странно похожий.

1945

* * *

Когда купальщица с тяжелою косой
Выходит из воды одна в полдневном зное
И прячется в тени — тогда ручей лесной
В зеленых зеркальцах поет совсем иное.
Над хрупкой чешуей светлостуденых вод
Сторукий бог ручьев свои рога склоняет,
И только стрекоза, как первый самолет,
О новых временах напоминает.

1936

* * *

Мне в черный день приснится
Высокая звезда,
Глубокая криница,
Студеная вода
И крестики сирени
В росе у самых глаз.
Но больше нет ступени —
И тени спрячут нас.

И если вышли двое
На волю из тюрьмы,
То это мы с тобою,
Одни на свете мы.
И мы уже не дети,
И разве я не прав,
Когда всего на свете
Светлее твой рукав.

Что с нами ни случится,
В мой самый черный день,
Мне в черный день приснится
Душистая сирень,
И тонкое колечко,

И твой простой наряд,
И на мосту за речкой
Колеса простучат.

На свете все проходит,
И даже эта ночь
Проходит и уводит
Тебя из сада прочь.
И разве в нашей власти
Вернуть свою зарю?
На собственное счастье
Я как слепой смотрю.

Стучат. Кто там? — Мария. —
Отворишь дверь: — Кто там? —
Ответа нет. Живые
Не так приходят к нам.
Их поступь тяжелее,
И руки у живых
Грубее и теплее
Незримых рук твоих.

— Где ты была? — Ответа
Не слышу на вопрос.
Быть может, сон мой — это
Невнятный стук колес
Там, на мосту, за речкой,
Где светится звезда,
И кануло колечко
В криницу навсегда.

ВЕТЕР

Душа моя затосковала ночью.

А я любил изорванную в клочья,
Исхлестанную ветром темноту
И звезды, брезжущие на лету
Над мокрыми сентябрьскими садами,
Как бабочки с незрячими глазами,
И на цыганской, масляной реке
Шатучий мост, и женщину в платке,
Спадавшем с плеч над медленной водою,
И эти руки, как перед бедою.

И кажется, она была жива,
Жива, как прежде, но ее слова
Из влажных Л теперь не означали
Ни счастья, ни желаний, ни печали,
И больше мысль не связывала их,
Как повелось на свете у живых.
Слова горели, как под ветром свечи,
И гасли, словно ей легло на плечи
Все горе всех времен. Мы рядом шли,

Но этой горькой, как полынь, земли
Она уже стопами не касалась
И мне живою больше не казалась.

Когда-то имя было у нее.
Сентябрьский ветер и ко мне в жилье
Врывается —
 то лязгает замками,
То волосы мне трогает руками.

1959

* * *

Я боюсь, что слишком поздно
Стало сниться счастье мне.
Я боюсь, что слишком поздно
Потянулся я к беззвездной
И чужой твоей стране.

Мне-то ведомо, какую —
Ночью темной, без огня,
Мне-то ведомо, какую
Неспокойной, молодую
Ты бываешь без меня.

Я-то знаю, как другие,
В поздний час моей тоски,
Я-то знаю, как другие
Смотрят в эти роковые,
Слишком темные зрачки.

И в моей ночи ревнивой
Каблучки твои стучат,
И в моей ночи ревнивой

Над тобою дышит диво —
Первых оттепелей чад.

Был и я когда-то молод.
Ты пришла из тех ночей.
Был и я когда-то молод,
Мне понятен душный холод,
Вешний лед в крови твоей.

1947

Сирени вы, сирени,
И как вам не тяжел
Застывший в трудном крене
Альтовый гомон пчел?

Осталось нетерпенье
От юности моей
В горячей вашей пене
И глубине теней.

А как дохнет по пчелам
И прибежит гроза,
И ситцевым подолом
Ударит мне в глаза —

Пойдет прохлада низом
Траву в коленях гнуть
И дождь по гроздьям сизым
Покатится, как ртуть.

Под вечер — ведро снова,
И, верно, в том и суть,
Чтоб хоть силком смычковый
Лиловый гуд вернуть.

IV. КРЕМНИСТАЯ ДОРОГА

25 ИЮНЯ 1935

Хорош ли праздник мой, малиновый иль серый,
Но все мне кажется, что розы на окне,
И не признательность, а чувство полной меры
Бывает в этот день всегда присуще мне.
А если я неправ, тогда скажи — на что же
Мне тишина травы и дружба рощ моих,
И стрелы птичьих крыл, и плеск ручьев, похожий
На объяснение в любви глухонемых?

ЗАТМЕНИЕ СОЛНЦА, 1914

В то лето народное горе
Надело железную цепь
И тлела по самое море
Сухая и пыльная степь.

И под вечер горькие дали,
Как душная бабья душа,
Багровой тревогой дышали
И бога хулили, греша.

А утром в село на задворки
Пришел дезертир босиком,
В белесой своей гимнастерке,
С голодным и темным лицом.

И, словно из церкви икона,
Смотрел он, как шел на ущерб
По ржавому дну небосклона
Алмазный сверкающий серп.

Запомнил я взгляд без движенья,
Совсем из державы иной,
И понял печать отчужденья
В глазах, обожженных войной.

И стало темно. И в молчанье,
Зеленом, глубоком, как сон,
Ушел он, и мне на прощанье
Оставил ружейный патрон.

Но сразу, по первой примете,
Узнать ослепительный свет...

.....
Как много я прожил на свете!
Столетие! Тысячу лет!

1956

ЕЛЕНА МОЛОХОВЕЦ

...после чего отжимки
можно отдать на кухню людям.

*Е. Молоховец.
«Подарок молодым хозяйкам», 1911*

Ты где, писательница малосольная,
Молоховец, холуйка малахольная,
Утеха десятипудовых туш
Владетелей десяти тысяч душ?
В каком раю? Чистилище? Мучилище?
Костедробилище? А где твои лещи
Со спаржей в зеве? Раки бордолез?
Омары Крез? Имперский майонез?
Кому ты с институтскими ужимками
Советуешь стерляжьими отжимками
Парадный опрозрачивать бульон,
Чтоб золотым он стал, как миллион,
Отжимки слугам скармливать, чтоб ведали,
Чем нынче наниматели обедали?

Вот ты сидишь под ледяной скалой,
Перед тобою ледяной налой,
Ты вслух читаешь свой завет поваренный,
Гобой хозяйкам молодым подаренный,
И червь насытый у тебя в руке,
В другой — твой череп мямлит в дуршлаке,
Ночная тень, холодная, голодная,
Полубайстрючка, полублагородная...

1957

ЮРОДИВЫЙ В 1918 ГОДУ

За квёлую душу и мертвое царское тело
Юродивый молится, ручкой крестясь посинелой,
Ногами сучит на раскольничьем хрустком снегу:
— Ай, маменька, тятенька, бабенька, гули-агу!

— Дай Феде просвирку, дай Феде копейку-
керёнку,
Дай, царь государь импелай Николай, на иконку!
Царица лисица, бух-бух, помалей алалей,
Дай Феде цна-цна, исцели, не стрели, Пантелей!

Что дали ему Византии орлы золотые
И чем одарил его царский штандарт над Россией,
Парад перед Зимним, Кшесинская, ленский
расстрел?
Что слышал — то слушал, что слушал — понять
не успел.

Гунявый, слюнявый, трясет своей вшивой рогожей,
И хлебную корочку гложет на белку похоже,
И красногвардейцу всё тычется плешью в сапог.
А тот говорит: — Не трясись, ешь спокойно,
браток!

1957

Встали хлопцы золотые
И покинули село,
Порешили за кордоном
Панну-лебедь добывать.
Научи меня, Россия,
Прядать ястребом в седло
И в тулупчике казенном
С Первой Конной бедовать.

Ух, дороги столбовые,
Кизяковый сладкий дым.
Наши мазанки да срубы
Колесом пошли на слом.
Научи меня, Россия,
Тем свистящим и взрывным,
От которых ломит зубы
И язык сгоит колом.

Здравствуй, Катенька-невеста,
Степь родная без жилья!
Верный конь, врагу не выдав,

Душу выручил в бою.
Посреди певцов мне место,
Стану в очередь и я,
Пусть поет Денис Давыдов,
Кончит песню — я спою.

Буду акать, буду окать,
Катю-степь возьму под локоть,
Конь пойдет подковой цокать,
Ёкать селезенкою.
Научи меня, Россия,
Лапать будяки степные
И под выстрелы сухие
Подходить сторонкою.

1960

* * *

Мы шли босые, злые,
И, как под снег ракита,
Ложилась мать Россия
Под конские копыта.

Стояли мы у стенки,
Где холодом тянуло,
Выкатывая зенки,
Смотрели прямо в дуло.

Кто знает щучье слово,
Чтоб стрекот боя снова
Не разбудил солдата,
Убитого когда-то?

1958

СТИХИ ИЗ ДЕТСКОЙ ТЕТРАДИ

...О, мать Ахайя гористая,
Пробудись! Я — твой лучник последний...

Из тетради 1921 г.

Почему захотелось мне снова,
Как в далекие детские годы,
Ради шутки не тратить ни слова,
Сочинять величавые оды,

Штурмовать олимпийские кручи,
Нимф искать по лазурным пещерам
И гекзаметр без всяких созвучий
Предпочесть новомодным размерам?

Географию древнего мира
На четверку я помню, как в детстве,
И могла бы Алкеева лира
У меня оказаться в наследстве.

Надо мной не смеялись матросы.
Я читал им: «О, мать Ахайя!»

Мне дарили они папиросы,
По какой-то Ахайе вздыхая.

За гекзаметр в холодном вокзале,
Где жила молодая свобода,
Мне с винтовками люди давали
Черный хлеб двадцать первого года.

Значит, шел я по верной дороге,
По кремнистой дороге поэта,
И неправда, что пан козлоногий
До меня еще сгинул со света.

Босиком, но в буденновском шлеме,
Бедный мальчик в священном дурмане,
Верен той же аттической теме,
Я блуждал без копейки в кармане.

Ямб затасканный, рифма плохая —
Только бредни, постылые бредни,
И достойней —

«О, мать Ахайя,
Пробудись! Я — твой лучник последний...»

Кухарка жирная у скарעד
На сковородке мясо жарит
И приправляет чесноком,
Шафраном, уксусом и перцем
И побирушку за окном
Костит и проклиняет с сердцем.

А я бы тоже съел кусок,
Погрыз бараний позвонок
И, как хозяин, кружку пива
Хватил — и завалился спать:
Кляните, мол, судите криво,
Голодных сытым не понять.

У, как я голодал мальчишкой!
Тетрадь стихов таскал под мышкой,
Баранку на два дня делил:
Положишь на зубок ошибкой...
И стал жильем певучих сил,
Какой-то невесомой скрипкой.

Сквозил я, как рыбацья сеть,
И над землею мог висеть.
Осенний дождь, двойник мой серый,
Долдонил в уши свой рассказ,
В облаву милиционеры
Ходили сквозь меня не раз.

А фонари в цветных размывах
В тех переулках шелудивых,
Где летом шагу не ступить,
Чтобы влюбленных в подворотне
Не всполошить!.. Я, может быть,
Воров московских был бесплотней.

Я в спальни тенью проникал,
Летал, как пух из одеял.
И молодости клясть не буду
За росчерк звезд над головой,
За глупое пристрастье к чуду
И за карман дырявый свой.

1957

ВЕЩИ

Все меньше тех вещей, среди которых
Я в детстве жил, на свете остается.
Где лампа-«молния»? Где черный порох?
Где черная вода со дна колодца?

Где «Остров мертвых» в декадентской раме?
Где плюшевые красные диваны?
Где фотографии мужчин с усами?
Где тростниковые аэропланы?

Где Надсона чахоточный трехдольник,
Визитки на красавцах адвокатах,
Пахучие калоши «Треугольник»
И страусова нега плеч покатых?

Где кудри символистов полупьяных?
Где рослых футуристов затрапезы?
Где лозунги на липах и каштанах,
Бандитов сумасшедшие обрезы?

Где твердый знак и буква ять с фитою?
Одно ушло, другое изменилось,
И что не отделялось запятою,
То запятой и смертью отделилось.

Я сделал для грядущего так мало,
Но только по грядущему тоскую
И не желаю начинать сначала:
Быть может, я работал не впустую.

А где у новых спутников порука,
Что мне принадлежат они по праву?
Я посягаю на игрушки внука,
Хлеб правнука, праправнукову славу.

1957

ФОТОГРАФИЯ

В сердце дунет ветер тонкий,
И летишь, летишь стремглав,
А любовь на фотопленке
Душу держит за рукав,

У забвения, как птица,
По зерну крадет — и что ж?
Не пускает распылиться,
Хоть и умер, а живешь,

Не вовсю, а в сотой доле,
Под сурдинку и во сне,
Словно бродишь где-то в поле
В запредельной стороне.

Всё, что мило, зримо, живо,
Повторяет свой полет,
Если ангел объектива
Под крыло твой мир берет.

1957

ЦЕЙСКИЙ ЛЕДНИК

Друг, за чашу благодарствуй, —
Небо я держу в руке,
Горный воздух государства
Пью на Цейском леднике.

Здесь хранит сама природа
Явный след былых времен —
Девятнадцатого года
Очистительный озон.

А внизу из труб Садона
Сизый тянется дымок,
Чтоб меня во время оно
Этот холод не увлек.

Там над крышами, как сетка,
Дождик дышит и дрожит,
И по нитке вагонетка
Черной бусиной бежит.

Я присутствую при встрече
Двух времен и двух высот,
И колючий снег на плечи
Старый Цее мне кладет.

1948

ГРЕЧЕСКАЯ КОФЕЙНЯ

Где белый камень в диком блеске
Глодает синьку вод морских,
Грек Ламбринуди в красной феске
Ждал посетителей своих.

Они развешивали сети,
Распутывали поплавки
И, улыбаясь точно дети,
Натягивали лиджаки.

— Входите, дорогие гости,
Сегодня кофе как вино! —
И долго в греческой кофейне
Гремели кости домино.

А чашки разносила Зоя,
И что-то нежное и злое
Скрывала медленная речь,
Как будто море кружевное
Спадало с этих узких плеч.

1958

ВЕРБЛЮД

На длинных нерусских ногах
Стоит, улыбаясь некстати,
А шерсть у него на боках
Как вата в столетнем халате.

Должно быть, молясь на восток,
Кочевники перемудрили, —
В подшерсток втирали песок
И ржавой колючкой кормили.

Горбатую царскую плоть,
Престол нищеты и терпенья,
Нещедрый пустынный-господь
Слепил из отходов творенья.

И в ноздри вложили замок,
А в душу — печаль и величье,
И, верно, с тех пор погромом
На шее болтается птичьей.

По черным и красным пескам,
По дикому зною бродяжил,
К чужим пристрастился тюкам,
Копейки под старость не нажил.

Привыкла верблюжья душа
К пустыне, тюкам и побоям.
А все-таки жизнь хороша,
И мы в ней чего-нибудь стоим.

1947

V. МОСТ

* * *

Я человек, я посредине мира.
За мною мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд.
Я между ними лег во весь свой рост —
Два берега связующее море,
Два космоса соединивший мост.

Я Нестор, летописец мезозоя,
Времен грядущих я Иеремия.
Держа в руках часы и календарь,
Я в новый век вступаю, как Россия,
И прошлое клянусь, как нищий царь.

Я больше мертвецов о смерти знаю,
Я из живого самое живое,
И — боже мой! — какой-то мотылек,
Как девочка, смеется надо мною,
Как золотого шелка лоскуток!

1958

ГОЛУБИ

Семь голубей — семь дней недели
Склевали корм и улетели.
На смену этим голубям
Другие прилетают к нам.

Живем, считаем по семерке,
В последней стае только пять.
И наши старые задворки
На небо жалко променять:

Тут наши сизари воркуют,
По кругу ходят и жалкуют,
Асфальт крупитчатый клюют
И на поминках дождик пьют.

1957

* * *

Я жизнь люблю и умереть боюсь.
Взглянули бы, как я под током бьюсь
И пнусь, как язь в руках у рыболова,
Когда я перевоплощаюсь в слово.

Но я не рыба и не рыболов.
И я из обитателей углов,
Похожий на Раскольникова с виду.
Как скрипку, я держу свою обиду.

Пытай меня, не изменюсь в лице.
Жизнь хороша, особенно в конце,
Хоть под дождем и без гроша в кармане,
Хоть в судный день — с иголкою в гортани.

А! Этот сон! Малютка жизнь, дыши,
Возьми мои последние гроши,
Не отпуская меня вниз головою
В пространство мировое, шаровое!

1947

ДЕРЕВЬЯ

Чем глуше крови страстный ропот
И верный кров тебе нужней,
Тем больше ценишь трезвый опыт
Спокойной зрелости своей.

Оплакав молодые годы,
Молочный брат листвы и трав,
Глядишься в зеркало природы,
В ее лице свое узнав.

И собеседник и ровесник
Деревьев полувековых,
Ищи себя не в ранних песнях,
А в росте и упорстве их.

Им тяжело собственное бремя,
Но с каждой новой весной
В их жесткой сердцевине время
За слоем отлагает слой.

И крепнет их немая сила,
Двоятся ветви их, деля
Тот груз, которым одарила
Своих питомцев мать-земля.

Ветров зеленые кочевья,
Державы птичьей нищеты,
Слепорожденные деревья
Ветвями ищут высоты.

О чем скорбя, в разгаре мая
Вдоль исполинского ствола
На крону смотришь, понимая,
Что мысль взамену чувств пришла?

О том ли, что в твоих созвучьях
Отвердевает кровь твоя,
Как в терпеливых этих сучьях
Луч солнца и вода ручья?

1954

ДОМ НАПРОТИВ

Ломали старый деревянный дом.
Уехали жильцы со всем добром —

С диванами, кастрюлями, цветами,
Косыми зеркалами и котами.

Старик взглянул на дом с грузовика,
И время подхватило старика.

И все осталось навсегда, как было.
Но обнажились между тем стропила,

Забрезжила в проемах без стекла
Сухая пыль, и выступила мгла.

Остались в доме сны, воспоминанья,
Забутые надежды и желанья.

Сруб разобрали, бревна увезли.
Но ни на шаг от милой им земли

Не отходили призраки бывшего
И про рябину песню пели снова,

На свадьбах пили белое вино,
Ходили на работу и в кино,

Гробы на полотенцах выносили,
И друг у друга денег в долг просили,

И спали парами в пуховиках,
И первенцев держали на руках,

Пока железная десна машины
Не выгрызла их шелудивой глины,

Пока над ними кран, как буква Г,
Не повернулся на одной ноге.

1958

РАННЯЯ ВЕСНА

С протяжным шорохом под мост уходит крига —
Зимы-гадальщицы захватанная книга,
Вся в птичьих литерах, в сосновой чешуе,
Читать себя велит одной, другой струе.

Эй, в черном ситчике, неряха городская,
Ну, здравствуй, мать-весна! Ты вон теперь какая:
Расселась — ноги вниз — на Каменном мосту
И первых ласточек бросает в пустоту.

Девчонки-крашенки с короткими носами,
Как на экваторе, толкутся под часами
В древнеегипетских ребристых башмаках,
С цветами желтыми в русалочьих руках.

Как не спешить туда взволнованным студентам,
Французам в дудочках, с владимирским акцентом,
Рабочим молодым, жрецам различных муз
И ловким служащим, бежавшим брачных уз?

Но дворник с номером косится исподлобья,
Пока троллейбусы проходят, как надгробья.
И я бегу в метро, где у Москвы в плену
Огромный базилевс залег во всю длину.

Там нет ни времени, ни смерти, ни апреля.
Там дышит ровное забвение без хмеля,
И ровное тепло подземных городов,
И ровный узкий свист летучих поездов.

1947

СТАРЫЕ ДОМА

Над черно-сизой ямою
И жухлым снегом в яме
Заплакала душа моя
Прощальными слезами.

Со скрежетом подъемные
Ворочаются краны
И сыплют шлак в огромные
Расхристанные раны.

Губастые бульдозеры,
Дрожа по-человечьи,
Асфальтовое озеро
Гребут себе под плечи.

Безбровая, безбольная,
Еще в родильной глине,
Встает прямоугольная
Бетонная богиня.

Здесь будет сад с эстрадами
Для скрипок и кларнетов,
Цветной бассейн с наядами
И музы для поэтов.

А ты, душа-чердачница,
О чем затосковала?
Тебе ли, неудачница,
Твоей удачи мало?

Прощай, житье московское,
Где ты любить училась,
Петровско-Разумовское,
Прощайте, ваша милость!

Истцы, купцы, повытчики,
И что в вас было б толку,
Когда б не снег на ситчике,
Накинутом на челку.

Эх, маков цвет, мещанское
Житьишко за заставой!
Я по линейке странствую,
И правый и неправый.

* * *

Ионийскую цикаду
Им кузнечик заменял...

К. Случевский

Кто, еще прозрачный школьник,
Учит музу чепухе
И торчит, как треугольник,
На шатучем лопухе?

Головастый внук Хирона,
Полувсадник-полуконь,
Кто из рук Анакреона
Вынул скачущий огонь?

Кто, Державину докука,
Хлебникову брат и друг,
Взял из храма ультразвука
Золотой зубчатый лук?

Кто, коленчатый, зеленый,
Царь, циркач или божок,

Для меня сберег каленый
Норовистый их смычок?

Кто стрекочет и пророчит,
И антеннами усов
Пятки времени щекочет,
Как пружинками часов?

Мой кузнечик, мой кузнечик,
Герб державы луговой!
Он и мне протянет глечик
С ионийскою водой.

1960

* * *

Он у реки сидел на камыше,
Накошенном крестьянами на крыши,
И тихо было там, а на душе
Еще того спокойнее и тише.
И сапоги он скинул, и когда
Он в воду ноги опустил, вода
Заговорила с ним, не понимая,
Что он не знает языка ее.
Он думал, что вода — глухонемая,
И бессловесно сонных рыб жильё,
Что реют над водою коромысла
И ловят комаров или слепней,
Что хочешь мыться — мойся, хочешь — пей
И что в воде другого нету смысла.

И вправду чуден был язык воды,
Рассказ какой-то про одно и то же,
На свет звезды, на беглый блеск слюды,
На предсказание беды похожий.
И что-то было в нем от детских лет,
От непривычки мерить жизнь годами

И от того, чему названья нет,
Что по ночам приходит перед снами,
От грозного, как ранние года,
Растительного самоощущенья.

Вот какова была в тот день вода
И речь ее без смысла и значенья.

1944

Ходит мотылек
По ступеням света,
Словно кто зажег
Мельтешенье это.

Книжечку чудес
На лугу открыли,
Порошком небес
Подсинили крылья.

В чистом пузырьке
Кровь другого мира
Светится в брюшке
Мотылька-лепира.

Я бы мысль вложил
В эту плоть, но трогать
Мы не смеем жил
Фараона с ноготь.

1956

ОДА

Мало мне воздуха, мало мне хлеба,
Льды, как сорочку, сорвать бы мне с плеч,
В горло вобрать бы лучистое небо,
Между двумя океанами лечь.
Под ноги лечь у тебя на дороге
Звездной песчинкою в звездный песок,
Чтоб над тобою крылатые боги
Перелетали с цветка на цветок.

Ты бы могла появиться и раньше
И приоткрыть мне свою высоту,
Раньше могли бы твои великанши
Книгу твою развернуть на лету,
Раньше могла бы ты новое имя
Мне подобрать на своем языке —
Вспыхнуть бы мне под стопами твоими
И навсегда затеряться в песке.

1960

* * *

Лесник меня прячет в избе.
Сижу я за кружкой чая,
И кажется мне, что к себе
Попал я, по чаще блуждая.

Открыла мне память моя
Таинственный мир соответствий:
И кружка, и стол, и скамья
Такие же точно, как в детстве,

Такие же двери у нас
И стены такие же были.
А он продолжает рассказ,
Свои стародавние были.

Цигарку свернет и в окно
Моими посмотрит глазами.
— Пускай их свистят. Все равно.
У нас тут балуют ночами.

1939

СЛЕПОЙ

(Главы из поэмы)

1

Зрачок слепца мутней воды стоячей,
Он пылью и листвою запорошен,
На роговице, грубой и незрячей,
Вращающийся диск отображен.
Кончался день, багровый и горячий,
И солнце покидало небосклон.
По городу, на каждом перекрестке,
На всех углах шушукались подростки.

2

Шумел бульвар, и толкотня росла,
Как в час прибоя волны океана,
Но в этом шуме музыка была —
Далекий перелет аэроплана.
Тогда часы, лишенные стекла,

Слепец, очнувшись, вынул из кармана,
Вздыхнул, ощупал стрелки, прямо в гул
Направил палку и вперед шагнул.

3

Любой пригорок для слепца примета.
Он шел сквозь шу-шу-шу и бу-бу-бу
И чувствовал прикосновенья света,
Как музыканты чувствуют судьбу, —
Какой-то облик, тремоло предмета
Среди морщинок на покато лбу.
К его подошвам листья прилипали,
И все ему дорогу уступали.

4

Ты помнишь руки терпеливых швей,
Их пальцы быстрые и целлулоид
Ногтей? Ужель подобия клещей
Мерцающая кожа не прикроет?
В тугих тисках для небольших вещей
Иголка надломившаяся ноет,
Играют ногти, движутся тиски,
Мелькают равномерные стежки.

5

Коробка повернется костяная,
Запястье хрустнет... Но не такова
Рука слепца, она совсем живая.

Смотри, она колеблется едва,
Как водоросль, вполсвета ощущая
Волокна волн мельчайших. Так жива,
Что через палку свет передается.
Слепец шагал прямой канатоходца.

6

А был бы зрячим — гордецом сочли
За белую крахмальную рубашку,
За трость в руке и лацканы в пыли,
За высоко надетую фуражку,
За то, что, глядя на небо, с земли
Не поднял он рублевую бумажку, —
Пусть он на ощупь одевался, пусть
Завязывал свой галстук наизусть.

7

Не путаясь в громоздкой партитуре,
Он расчленял на множество ключей
Зыбучий свист автомобильных фурий
И шарканье актеров без речей.
Он шел, как пальцы по клавиатуре,
И мог бы, не толкая скрипачей,
Коснуться пышной шушеры балета —
Крахмальных фей и серпантина света.

8

Так не пугай ребенка темнотой:
На свете нет опасней наказания.

Он в темноте заплачет, как слепой,
И подберет подарок осязанья —
Уменье глаз надавливать рукой
До ощущенья полного сиянья.
Слепцы всегда боялись глухоты,
Как в детстве мы боимся темноты.

9

Он миновал гвоздикой населенный
Цветочный домик посреди Страстной¹
И на вертушке в будке телефонной
Нащупал буквы азбуки стальной.
Слепец стоял за дверью застекленной.
Молчала площадь за его спиной,
А в ухо пела нежная мембрана
Немного глухо и немного странно.

10

Весь голос был почти что на виду,
Почти что рядом — на краю вселенной.
— Да, это я, — сказал слепец. — Иду. —
Дверь otvorил — и гул многоколенный
На голоса — на тубу, на дуду,
На сотни флейт распался постепенно.
Слепой лицом почувствовал: само
В руках прохожих тает эскимо.

¹ Страстная — теперь Пушкинская площадь в Москве.

11

Он тронул ребра душного трамвая,
Вошел и дверь задвинул за собой,
И сразу, остановки называя,
Трамвай скользнул по гладкой мостовой.
С передней встали, место уступая.
Обиженный обычной добротой,
Слепец, садясь, едва сказал «спасибо»,
Окаменел и рот открыл, как рыба.

12

Аквариум с кисельною водой,
Жилище рыб и спящего тритона,
Качающийся ящик тепловой,
Колокола, и стоны саксофона,
И желтый свет за дверью слюдяной --
Грохочущий аквариум вагона.
И в этой тесноте и темноте
Был каждый звук понятен слепоте.

1935

* * *

Я кончил книгу и поставил точку
И рукопись перечитать не мог.
Судьба моя сгорела между строк,
Пока душа меняла оболочку.

Так блудный сын срывает с плеч сорочку,
Так соль морей и пыль земных дорог
Благословляет и клянет пророк,
На ангелов ходивший в одиночку.

Я тот, кто жил во времена мои,
Но не был мной. Я младший из семьи
Людей и птиц, я пел со всеми вместе

И не покину пиршества живых —
Прямой гербовник их семейной чести,
Прямой словарь их связей корневых.

1960

СО Д Е Р Ж А Н И Е

І. ЗЕМЛЕ—ЗЕМНОЕ

«Чем больше лет ложится мне на плечи...»	5
Суббота, 21 июня	6
«Русь моя, Россия...»	8
«На черной трубе погорелого дома...»	10
«Стояла батарея за этим вот холмом...»	13
«Хорошо мне в теплушке...»	14
«Чего ты не делала только...»	16
«Тебе не наскучило каждому снится...»	19
Иванова пва	21
Земля	22
«Вечерний, сизокрылый...»	23
После войны	24
Чем пахнет снег	27
«Я бессмертен, пока я не умер...»	29

ІІ. ИЗ КЛЮВОВ ПТИЦ

К стихам	33
Рвкн	35

«Земля сама себя глотает...»	36
«Как я хочу вдохнуть в стихотворенье...»	38
«Я учился траве, раскрывая тетрадь...»	39
Werde der du bist	41
«Я прощаюсь со всем...»	43
«Порой по улице бредешь...»	45
«Рассчитанный на одного, как номер...»	47
«Я долго добивался...»	49
Кактус	51
«Мне говорят, а я уже не слышу...»	52
«Вы, жившие на свете для меня...»	54
Акрополь. Кора	55
Сократ	56
Карловы Вары	57
Утро в Вене	58
Анджело Секки, астроном	59
«Пускай меня простит Винцент Ван-Гог...»	61
Балет	63
В музее	65
Переводчик	67
Могилла поэта	69
«Где черный ветер, как налетчик...»	70
«Когда б на роду мне написано было...»	72

III. СИРЕНЬ

«Снова я на чужом языке...»	75
«Записал я длинный адрес...»	76
«Прямых стволов благословение...»	78
Дождь в Тбилиси	79
«Когда купальщица с тяжелой косой...»	81

«Мне в черный день приснится...»	82
Ветер	84
«Я боюсь, что слишком поздно...»	86
«Сирени вы, сирени...»	88

IV. КРЕМНИСТАЯ ДОРОГА

25 июня 1935	91
Затмение солнца, 1914	92
Елена Молоховец	94
Юродивый в 1918 году	96
«Встали хлопцы золотые...»	98
«Мы шли босые, злые...»	100
Стихи из детской тетради	101
«Кухарка жирная у скарред...»	103
Вещи	105
Фотография	107
Цейский ледник	108
Греческая кофейня	110
Верблюд	111

V. МОСТ

«Я человек, я посредине мира...»	115
Голуби	116
«Я жизнь люблю и умереть боюсь...»	117
Деревья	118
Дом напротив	120
Ранняя весна	122
Старые дома	124
«Кто, еще прозрачный школьник...»	126

«Он у реки сидел на камыше...»	128
«Ходит мотылек...»	130
Ода	131
«Лесник меня прячет в избе...»	132
Слепой. (<i>Глава из поэмы</i>)	133
«Я кончил книгу и поставил точку...»	135

Тарковский Арсений Александрович

ПЕРЕД СНЕГОМ

М., «Советский писатель», 1962, 144 стр.

Редактор *Е. В. Златова*

Художник *Н. М. Гребнева*

Худож. редактор *Е. И. Балашева*

Техн. редактор *И. М. Минская*

Корректор *Л. А. Матасова*

Сдано в набор 20/II 1962 г. Подписано
к печати 3/V 1962 г. А02085. Бумага
70×108¹/₃₂. Печ. л. 4¹/₂ (6,16). Уч.-изд.
л. 2,81. Тираж 6000 экз. Заказ № 274.
Цена 14 к.

Издательство «Советский писатель»,
Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10.
Тип. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.

14 коп.

С П

